

КОЛОКОЛА ПАМЯТИ

Владимир Иванович ЗАПЕКЛЫЙ работал бригадиром участка химзащиты ЧАЭС с 1974 года. Тогда, в 1974-м, ему довелось участвовать в завершении строительства первого энергоблока, а затем были второй, третий, четвертый...

В конце февраля этого года, семь лет спустя после аварии, Владимир Иванович снова побывал на ЧАЭС. Причиной посещения зоны стало предложение режиссера Украинской киностудии хроникально-документальных фильмов В. Манылова, проводившего съемки фильма «В то утро, 26 апреля», поделиться воспоминаниями об этом страшном дне, перевернувшем всю его жизнь, отобразившем здоровье, дом, работу...

А сигнала тревоги не было...

В. Запеклый дал интервью и нашей газете.

— Владимир Иванович, где Вы находились в момент аварии?

— Утро 26-го апреля 1986 года застало нашу бригаду на строящемся пятом блоке, где мы вели работы в шахте отстоя на глубине 16 метров под землей. О том, что на четвертом блоке что-то случилось, мы узнали, когда в 4-00 поднялись из шахты. Выйдя из грузовика, который обычно нас подвозил к базе химзащиты, мы увидели развалины четвертого блока. Пожара не было, дыма — тоже, а наблюдалось какое-то свечение изнутри реакторного зала. По крыше машзала, пробитой в некоторых местах, были

разбросаны строительные панели. Людей с этой стороны четвертого блока не было. Ребята пошли переодеваться, а я, отправив грузовик за мастером на пятый блок, прошел к своей машине, которую, как обычно, оставил с вечера на стоянке у столовой «Электроника». Автомобиль весь был покрыт толстым слоем сажки. Песок под ногами из желтого превратился в черный и подошвы оставляли на нем желтые следы.

— Вы, видя все это, почувствовали опасность? Появилась мысль о том, что реактор разрушен и существует угроза радиоактивного заражения?

— Нет, в тот момент такой мысли не было. Ведь нам внушали, что

АЭС безопасны и строятся на века. Все мысли забивались одной: «Если бы это было опасно, нас предупредили бы, дали сигнал тревоги (как учили на занятиях по гражданской обороне). А если нет предупреждения, значит — реактор цел. Хотя, честно говоря, меня насторожили студенистые куски, размером с кулак, попадавшие на дороге около столовой «Электроника», когда мы с ребятами шли к моей машине. Они отливали темно-голубым светом. На всякий случай я сказал хлопцам, чтобы они к ним не прикасались.

— Сколько времени вы провели у четвертого блока?

[Окончание на 2 стр.]

А сигнала тревоги не было

(Окончание.)

Начало на 1 стр)

— Где-то около часа. Пока переоделись, помыли машину... Бпятером выехали в Припять. Я уже по дороге почувствовал головную боль, начало давить глаза, появился металлический привкус во рту. Но еще не хотелось верить, что это действие радиации. Думал, может, отравился, съел что-то не то... И только дома, когда началось сильное головокружение и непрекращающиеся рвоты, понял, что облучился. Поднял жену. «Беги, — говорю, — к соседу (из нашей же бригады), узнай, если и у него такое же — вызывай «скорую». Побежала она к Алексею Дзюбику, а он лежит без сознания. Вызвала «скорую». Там ответили, что приедут без врача (не хватало врачей), чтобы сами сопровождали. Отвезли нас в 126-ю припятскую больницу, оказали первую помощь, а на другой день в 11-00 из Борисполя отправили в Москву на лечение. Мы были во второй группе, около 200 человек (первая группа была отправлена ночью с 26-го на 27-е апреля). К тому времени я уже ощущал сильную сухость во рту, язык казался огромным и деревянным. Говорить было невозможно.

— Какую дозу Вы получили?

— У меня определили 390 бэр. Шансов выжить было очень мало... У ребят из моей бригады у всех от 200 до 300 бэр. Но это приблизительно. Один пожарный с нами лежал в Москве, так у него там определили 170 бэр, а затем он был направлен на лечение в Израиль, где ему определили 380 бэр...

Иван Лукич Орлов из нашей бригады, умер, у него было 850 бэр. Я получил инвалидность II-й группы. Многие ребята получили третью группу

и работали, но потом состояние их здоровья ухудшилось, и им дали вторую. Орлова жалко. Он в то время охранял базу участка химзащиты. Это рядом с четвертым блоком. Ему говорили: «Оставь пост, позвони начальнику, скажи, что уходишь, и иди. А он говорит: «Не могу, как же можно так все оставить? А вдруг головешка залетит с четвертого и база сгорит?..» Не было сигнала тревоги...

— Владимир Иванович, говорят, что алкоголь смягчает радиационный удар. В ту ночь кто-нибудь из вашей бригады употреблял спиртное?

— К сожалению, нет. У нас была дисциплинированная бригада. А сам я на момент аварии уже семь лет, как бросил пить и курить. Поэтому, не могу сказать, как воспринимает радиацию нетрезвый, но у тех ребят из моей бригады, которые понемногу принимали во время лечения в Москве наряду с лекарствами спиртное, процесс выздоровления шел быстрее и выписались они на месяц раньше других.

— Какое впечатление произвело на вас увиденное в Припяти сейчас, семь лет спустя после аварии?

— Впечатление жуткое. Я уезжал из живого города, хотя и обеспокоенного случившимся, но живого, дышащего, а приехал — в мертвый, с пустыми глазницами. Душа болит, ведь здесь прошли двенадцать лучших лет моей жизни. Здесь выросли мои сыновья, здесь у меня был дом, хорошая работа, полноценная жизнь... Все принесено в жертву человеческому безрассудству, амбициям... Пусть бы эта жертва была последней.

Интервью взяла
Инна ЗИМИНА,
инженер ОМСИ.

г. Чернобыль.